

Е.И. Мирошниченко

СИНЕСИЙ КИРЕНСКИЙ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Аннотация: В статье исследуются социальные связи Синесия Киренского на материале его писем. Используя метод анализа социальных сетей, автор классифицирует адресатов и выявляет степень их близости к Синесию; с помощью социально-антропологического метода выясняется, как функционировали социальные связи Синесия в рамках различных стратегий: покровительства, лидерства и дружбы. Автор приходит к выводу, что Синесий применял одинаковые социальные паттерны как в светской, так и в церковной среде. Проведенное исследование позволяет констатировать достаточную высокую степень социального влияния провинциального куриального мира, ярким представителем которого является Синесий.

Ключевые слова: Синесий Киренский, ранневизантийская эпистолография, социальные связи, куриалы, христианство.

Методологический аспект исследования

Социальные связи такой неординарной личности, как Синесий Киренский, представляют особый интерес для исследователя. Дело, конечно, заключается не только и не столько в том, что Синесий в своих трудах отражает специфику переходного от Античности к Средневековью периода. Подобных авторов можно назвать немало¹. Случай Синесия уникален благодаря той социальной картине, которую представляет его знаменитое собрание писем. Письма Синесия анализировались с самых разных позиций и точек зрения², но мало кто обращал внимание на потенциал этого собрания в качестве источника по социальной истории

¹ См., напр.: *Gillett A.* Communication in Late Antiquity: Use and Reuse // *Oxford Handbook of Late Antiquity* / Ed. by S.F. Johnson. Oxford, 2012. P. 828–829.

² *Seeck O.* Studien zu Synesius // *Philologus*. 1894. Bd. 52. S. 446–487; *Fritz W.* Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: Ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV. und V. Jahrhundert. Leipzig, 1898; *Simeon P.X.* Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. Paderborn, 1933; *Hermelin I.* Zu den Briefen des Bischofs Synesios. Diss. Uppsala, 1934; *Левченко М.В.* Пентаполь по письмам Синезия // *ВВ*. 1956. Т. 9. С. 3–44; *Runia D.T.* Studies in the Letters of Synesius. Melbourne, 1976; *Roques D.* Études sur la Correspondance de Synésios de Cyrène. Bruxelles, 1989; *Hose M.* Synesios und seine Briefe. Versuch einer Analyse eines literarischen Entwurfs // *Würzburger Jahrbucher für die Altertumswissenschaft*. 2003. Bd. 27. S. 125–141; *Harich-Schwarzbauer H.* Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene // *Synesios von Kyrene. Politik — Literatur — Philosophie* / Hrsg. von H. Seng, L.M. Hoffmann. Turnhout, 2013. S. 96–109.

и социальным связям в Восточной Римской империи IV–V вв. Такое невнимание, как нам кажется, объясняется тем, что до недавнего времени отсутствовали специальные методы, позволявшие изучать и анализировать эпистолографию в данном ключе. Однако после того, как А.М. Шор эффективно применил метод анализа социальных связей в работе с письмами Феодорита Кирского³, путь для исследования писем Синесия в том же ракурсе оказался открыт.

Указанный метод заключается в составлении на основе имеющихся источников (в нашем случае это собрание писем) специальных карт социальных связей исследуемого субъекта. Они характеризуют как степень близости корреспондентов к субъекту, так и степень близости корреспондентов друг к другу. Конечно, в применении к историческим исследованиям метод анализа социальных сетей оказывается не столь надежным, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что он в определяющей степени зависит от количества информации, которую мы можем добыть из источников (что, впрочем, является ограничителем для любого метода, применяемого в исторической науке). Кроме того, по умолчанию наши данные (особенно для древней и средневековой истории) всегда будут отличаться неполнотой. Так, дошедший до нас эпистолярный сборник Синесия Киренского состоит из 156 писем, адресованных, по крайней мере, 36 персонам; но, во-первых, едва ли эти 36 лиц исчерпывают весь круг социальной коммуникации нашего героя; а во-вторых, у нас нет ни одного письма, написанного кем-либо из них, и поэтому мы можем восстанавливать социальные мосты между адресатами только на основании той информации, которую мы находим в упомянутых 156 письмах Синесия. Таким образом, любые статистико-математические результаты, которые могут быть получены из анализа имеющегося в наличии эпистолярного материала, будут неизбежно носить условный характер. Они будут передавать лишь общие черты социальных взаимодействий автора, но не смогут дать нам полной картины этих взаимодействий⁴. Впрочем, в данной статье мы не преследуем цели математизировать социальные связи нашего героя. Для нас достаточно будет указать на их особенности, выявить различные круги общения Синесия, а также степень его близости к тем или иным личностям. Анализ социальных связей не является самоцелью: мы используем его для того, чтобы определить степень политического и общественного влияния провинциальных куриалов (одним из которых был Синесий) в ранневизантийскую эпоху.

Указанный метод мы дополняем социально-антропологическим методом, рассматривая социальное поведение Синесия в контексте таких стратегий поведения, как покровительство, лидерство и дружба. Естественно, эти категории являются конструктом, но таким конструктом, который отражает реальные социально-исторические явления указанного периода. Так, *покровительство (патронаж)* представляло собой специфическую систему поруки в позднеантичном куриальном мире, когда имеющий власть протектировал того, кто ее не имел или имел в гораздо меньшем объеме. Представители провинциальной

³ Shore A.M. Theodoret's people: Social networks and religious conflict in late Roman Syria. Berkeley, 2011. P. 10: «Network theory pictures society as a web of relationships which can be categorized, mapped, and modeled. <...> If individuals connect by performing certain words and gestures, than a meaningful network can be identified by tracing exchanges of a shared set of these cues».

⁴ De Nooy W. Fields and networks: Correspondence analysis and social network analysis in the framework of Field Theory // Poetics. 2003. Vol. 31/5–6. P. 305–327.

родовой аристократии таким образом продвигали друг друга по карьерной лестнице, используя при этом весьма популярный тип писем — рекомендательный (в письмах Синесия он занимает особое место, часто недооцениваемое: 27 писем из 156 несут рекомендательный характер). Подобного рода явление, однако, имеет мало общего с древнеримским патронатом и отражает историческую ситуацию, сложившуюся ко времени становления Восточной Римской империи. *Лидерство* подразумевает особую социальную роль, которую играет субъект в отношении определенных социальных групп. Так, например, Синесий оказывается лидером местных куриалов в 399 г.⁵, когда его избирают главой посольства в Константинополь. Роль лидера играет Синесий и в то время, когда он организует защиту Пентаполя от варваров в 405–410 гг. или избирается епископом Птолемаиды в 411 г. Лидерство предполагает как права, так и обязанности, но прежде всего это стратегия социального поведения, когда лидер организует тех, кто самостоятельно организовать не может или не хочет. Что касается *дружбы*, то она подразумевает не столько аристотелевское «единство двух» (хотя и это тоже: в плане идейном), сколько специфическое социальное поведение субъекта по отношению к особенно близким людям⁶. Эта специфика выражается в постоянной заботе и помощи, а также в манере общения, более интимной, чем в случае с обычными адресатами. Степень близости в корреспонденции может быть на формальном уровне зафиксирована использованными формами обращений⁷. Следует отметить, что письма Синесия также демонстрируют определенную социальную и идейную динамику его жизни: по мере сближения автора с христианством меняется социальный состав его корреспондентов. Подобного динамизма мы не найдем в других эпистолярных сборниках того времени: они либо уже христианские (Василий Великий, Григорий Назианзин), либо чисто языческие (Либаний, Юлиан). Таким образом, письма Синесия представляют собой уникальный исторический источник по социальной истории ранней Византии.

Картографирование социальных связей Синесия говорит нам о наличии четырех ключевых узлов, вокруг которых формировалась его социальная и культурная коммуникация (рис. 1). Первым и, по всей видимости, исходным для Синесия центром была Александрия, в которой он получил философское и научное образование в школе Гипатии. Роль этой значимой в жизни Синесия женщины является ключевой в Александрийской школе. Именно вокруг Гипатии оформляются связи между адресатами, входящими в эту группу (Геркулиан, Олимпий, Исихий). Вторым центром был Константинополь, в котором Синесий оказался с ответственной миссией как посланец своего родного города в 399–402 гг. В Константинополе у него завязался ряд более или менее значимых знакомств. Самыми важными из новых друзей Синесия были две фигуры, вокруг которых и образуется второй центр: политик Аврелиан и ритор Троил. Эти два человека служат социальной и политической опорой для Синесия во время его пребывания

⁵ В своей работе мы следуем хронологии, предложенной Д. Роке: *Roques D. Introduction // Synésios de Cyrène. Correspondance. T. II: Lettres I–LXIII / Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques. P., 2000. P. XIX–XXVII.*

⁶ См. подробнее: *Luchner K. Freundschaft und Freundschaftsbrief bei Synesios // Synesios von Kyrene: Polis, Freundschaft, Jenseitsstrafen. Tübingen, 2010. S. 89–118.*

⁷ См.: *Мирошниченко Е.И. Формы обращения в «Письмах» Синесия Киренского // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ: Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 200–201.*

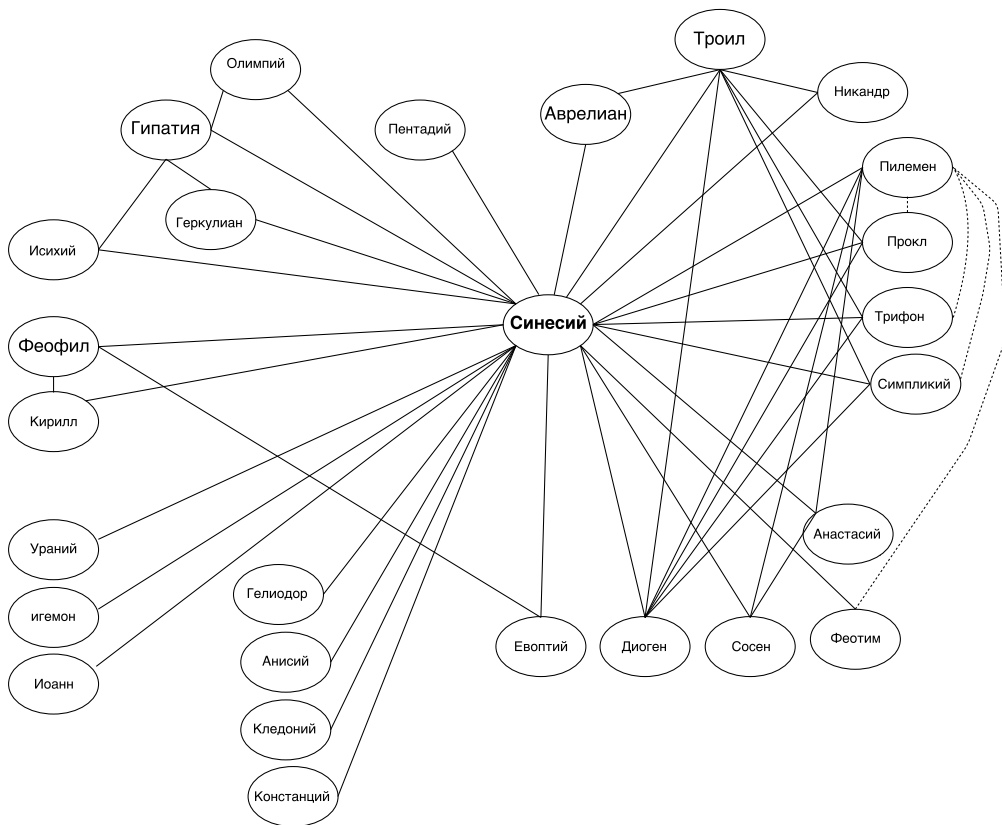

Рис. 1. Карта социальных связей Синесия

в столице Восточной Римской империи, они же помогают ему, когда он возвращается к себе на родину. Кирена является третьим центром. При этом речь идет не только о друзьях и родственниках, проживающих там, но и о достаточно большом и разнообразном контингенте людей, так или иначе связанных с Синесием и проживающих по всему Пентаполю. В Кирене Синесий владел домом, а за городом — обширным имением. В одном из прибрежных городов (Фикунте), по всей видимости, долгое время проживал родной брат Синесия Евоптий, к которому обращено более четверти всех писем. За родственников и друзей, проживающих в городах Пентаполя, Синесий не упускал случая ходатайствовать в самых различных ситуациях. С гражданскими правителями Пентаполя, с местными епископами и церковными деятелями он контактировал «по долгу службы», особенно активно в 412–413 гг., когда он стал митрополитом Птолемаидским. Можно выделить также четвертый социальный узел, который сформировался в Александрии, но кардинальным образом отличался от александрийского узла вокруг Гипатии, поскольку относился к церковному сообществу, концентрировавшемуся вокруг патриарха Феофила. Итак, рассмотрим все указанные социальные связи Синесия в контексте осуществления им таких социальных стратегий, как дружба, лидерство и покровительство.

Александрия

Самые ранние письма из собрания относятся, по всей видимости, к 398–399 гг. и адресованы Геркулиану, ближайшему другу и соученику Синесия по Александрийской философской школе. В этой школе Синесий учился предположительно в 395–397 гг. и приобрел там немало друзей. Впрочем, по письмам мы можем говорить только о трех наиболее близких друзьях: Геркулиане, Олимпии и Гипатии. Письма к Геркулиану стоят особняком, поскольку в общем неупорядоченном собрании они соединены вместе (всего 10 писем, под номерами 137–146). Они также отличаются по своему содержанию: в них доминируют темы дружбы и философии. В этих письмах автор еще полон вдохновения от недавнего пребывания в эпицентре интеллектуальной жизни эпохи Поздней Античности. Письма к Геркулиану отличаются изяществом, литературностью и глубиной мысли. Они наполнены цитатами из античных авторов и пестрят предложениями, особенно касательно дружбы (что соответствовало царившему тогда в литературных кругах эпистолярному этикету)⁸. Любопытное свидетельство о патронаже содержится в письмах 146 и 144. В первом из них мы узнаём, что Геркулиан отправил комиту Пентаполя рекомендательное письмо за Синесия (видимо, стремясь выхлопотать какую-то должность своему другу⁹). На этот жест покровительства Синесий, однако, отвечает упрёком:

Ты забыл, что я постигаю умение философствовать и придаю малую цену всему, что не оказывается относящимся к философии. Итак, благодаря Богу, я ни в чем не нуждаюсь, ибо ни я никому не причиняю несправедливости, ни со мной ничего несправедливого не происходит (Ер. 146.28–31)¹⁰.

Возможно, в таком резком и в то же время ироничном отказе содержится нежелание смешивать стратегию дружбы со стратегией покровительства в общении с таким близким человеком, как Геркулиан. Между тем в том же году Синесий пишет ему новое письмо (Ер. 144), в котором его праведный гнев, как видно, поутих, и разум взял верх: Синесий пишет, что хотя раньше он и отказывался от рекомендаций (ради философии), теперь изменил свое решение ради того, чтобы иметь возможность помогать своим друзьям, и готов воспользоваться предложением. Конечно, в данном случае ярко проявилась натура Синесия, мечущегося между двух решений, желающего посвятить свою жизнь философии, но вдруг бросающегося в гущу политической деятельности ради друзей. Сходное поведение мы видим впоследствии и в колебаниях Синесия касательно принятия епископского сана. В то же время эти два письма дают нам любопытную информацию о социальных связях и круговой поруке, существовавших в аристократической среде, к которой принадлежали Синесий и Геркулиан¹¹. Синесий как представитель своего куриального мира вынужден отказываться от ученого

⁸ См. подробнее о дружеских письмах: *Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1959. P. 34–78.

⁹ Б.А. Рус, впрочем, считает, что речь идет о посольстве в Константинополь: *Roos B.A.* Synesius of Cyrene. A Study in His Personality. Lund, 1991. P. 55.

¹⁰ Здесь и далее письма Синесия цитируются по критическому изданию: *Synésios de Cyrène. Correspondance.* Т. II: Lettres I–LXIII. Т. III: Lettres LXIV–CLVI.

¹¹ *Левченко М.В.* Пентаполь по письмам Синезия... С. 10.

досуга ради помощи друзьям. Если за него ходатайствуют, помогая ему продвигаться во власти, то и он берет на себя ответственность ходатайствовать за своих друзей. В этом заключается стратегия покровительства.

Оживленная переписка между Синесием, вернувшимся после учебы в Кирену, и Геркулианом, оставшимся в Александрии, поддерживается лишь два года, а затем Синесий вынужден покинуть Кирену и отправиться послом в Константинополь, где ему суждено было прожить три года (с 399 по начало 402 г.), обзавестись новыми социальными связями, друзьями и, возможно, новыми религиозными убеждениями¹². Загадкой остается, почему после возвращения из столицы в 402 г. Синесий так и не возобновил переписку со своим старым другом¹³. С другом своим соучеником по Александрийской школе, Олимпиим, он, напротив, продолжал переписываться вплоть до своего исчезновения с исторической арены в 413 г. (письма к Олимпию датируются 399–413 гг.). Ранние письма отправлены Олимпию в Александрию, где он, возможно, продолжал обучение, затем место получателя меняется: по всей видимости, новая должность Олимпия велит ему отправиться в Сирию. Помимо привычных тем дружбы и философии, мы также встречаем в письмах к Олимпию описание Пентаполя, весьма любопытное и очень ценное с исторической точки зрения (письмо 148)¹⁴. Олимпий входит в круг самых ближайших друзей Синесия, а в смутные для Синесия 410–411 гг. он даже являлся его лучшим другом, с которым тот делился самыми сокровенными мыслями. Так, например, о своих сомнениях по поводу епископства он сообщает только своему брату и Олимпию. В 96-м письме Синесий пишет:

Призываю Бога в свидетели, Бога, Которого чтит как философия, так и дружба: я предпочел бы много раз умереть, чем быть священником. <...> Как поделился бы я с тобой, о любезнейший глава, всеми радостями, случившимися со мной, так делюсь сейчас теми скорбями, которые выпали на мою долю. Чтобы, постигнув эти тяготы, ты рассмотрел, если сможешь, дело в отношении моей природы и высказал бы свое суждение о том, каким образом мне следует поступать (Ер. 96.1–3, 7–12).

По форме это совещательное письмо, но уровень скорби, которой делится автор с адресатом, говорит нам о том, что по смыслу перед нами дружественное письмо. Несмотря на риторичность и скромные периоды, мы чувствуем, какая горечь владела Синесием при написании этих строк. Это уже не юношеское ломание, которое мы встречаем в письмах к Геркулиану. Здесь перед нами мучительно переживающий за свою честь и за философский путь человек. О серьезности письма говорят дальнейшие строки:

А теперь вот уже седьмой месяц я пребываю в этом кошмаре... (Ер. 96.13–14).

Далее Синесий описывает весьма важную с точки зрения социальной истории ситуацию, связанную с необходимостью принять епископство:

Если возможно будет сочетать его (епископство. — *Е.М.*) с философией, я возьмусь за него; а если окажется, что оно несовместимо с моим образом жизни и системой

¹² А. Кэмерон и Дж. Лонг весьма обоснованно утверждают, что уже в Константинополе Синесий мог стать христианином и даже принять крещение: *Cameron A., Long J. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993. P. 28–34.*

¹³ Д. Роке датирует 140-е письмо 403 г., но эта датировка сильно зависит от его гипотезы, согласно которой Синесий уехал из Константинополя сразу после землетрясения 402 г., а эта гипотеза сама нуждается в подтверждении: *Roques D. Études... P. 87.*

¹⁴ *Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. P., 1987. P. 387–431.*

взглядов, то что иное остается мне, если не отправиться морем в славную Грецию? Ибо если я откажусь от священства, то потеряю и отечество, став человеком в высшей степени презренным и проклятым, окажусь в толпе, распаленной ненавистью (Ер. 96.17–23).

Здесь перед нами страх оказаться изгоем. Мы видим, что несмотря на то что Синесия выбирает народ, сам он едва ли имеет выбор: он должен согласиться, иначе общественное мнение о нем поменяется, и он лишится всех тех преимуществ, которые с таким трудом приобрел, в частности упадет его авторитет как лидера. Лидерство, таким образом, требовало соответствующих решений. Олимпий, друг юности, оказался единственным среди корреспондентов Синесия, с кем он мог поделиться такими личными переживаниями.

Известно также, что в Александрии с Синесием учился некий Исихий, который затем оказался в Константинополе и сделал себе карьеру. К нему Синесий пишет в тяжелый для него 412 г. с просьбой освободить своего брата от общественных литургий (письмо 93). О других соучениках Синесия нам ничего не известно. Зато сравнительно много мы знаем о его наставнице Гипатии, которой посвящено в собрании 7 писем (три из них датируются 404–405 гг., а остальные четыре — 413 г.). Отношение Синесия к Гипатии совершенно особое. В 16-м письме он называет ее «мать, сестра и учитель, а кроме всего того, благотворительная и во всех отношениях честнейшая, как по делам, так и по имени» (Ер. 16.2–4). Такая форма обращения является самой пространной во всем собрании писем Синесия и свидетельствует о том громадном почтении, с которым он относился к Гипатии. Три письма к ней (Ерр. 10, 16 и 81) носят личный характер, они наполнены жалобами на отсутствие писем и перечислением собственных бедствий. Например, в 10-м письме он замечает: «Я лишен и детей, и друзей, и всеобщей благосклонности» (Ер. 10.10–15). Такого рода интимные подробности в письмах не принято было фиксировать, ведь письмо в рамках эпистолярного жанра призвано развлекать и носить характер непринужденной беседы¹⁵, поэтому в данном случае мы можем говорить о том, что Гипатия входила в круг ближайших к Синесиоу друзей. В 81-м письме, наряду с жалобами на отсутствие писем от Гипатии, Синесий ходатайствует за своих родственников Никея и Филолая, чтобы им вернули отобранное у них имение (Ер. 81.17–21). В связи с этим Синесий вспоминает былые времена, когда он защищал несправедливо обиженных и много помогал своим друзьям, составляя для них рекомендательные письма:

Было время, когда и я был полезен друзьям, и ты называла меня благом для ближнего, ведь я расточал на других милость от имеющих большую власть, которые были для меня словно руки. Ныне же я остаюсь всеми покинутый (Ер. 81.10–14).

В данном случае перед нами выражена суть того, что мы называем патронажем. Синесий использовал свое влияние и власть, чтобы ходатайствовать за своих друзей. Иногда это заканчивалось печально для него: некоторые друзья, достигнув определенных высот на карьерной лестнице, как это часто случается, забывали о своем покровителе. Так, например, Анастасий, о котором Синесий ходатайствует перед своим константинопольским другом Пилеменом (письмо 100),

¹⁵ Для обозначения этого явления Г. Карлссоном было введено специальное понятие — *déconcrétisation*. Одной из причин деконкретизации в письмах Карлссон считал страх перед описанием фактов личной жизни и собственного мнения в среде интеллектуалов: *Karlsson G. Idéologie et cérémonial... P. 14.*

добившись успеха, забывает о Синесии и перестает оказывать ему необходимую поддержку (письмо 48). При этом горечь от такого предательства настолько действует на Синесия, что в одном из писем (письмо 79) он даже сообщает Анастасию о своем желании покончить с собой (что само по себе представляет редчайший случай в позднеантичной эпистолографии). То же чувство беспроблемного отчаяния мы встречаем в, по всей видимости, последнем его письме к Гипатии:

Прикованный к постели, я надиктовываю письмо. <...> Слабость душевная стала причиной слабости телесной: понемногу меня иссушает память об ушедших детях. До тех пор мог Синесий жить, пока не испытал он жизненные невзгоды. Как будто сдерживавшиеся потоки разом излились, и утратил я сладость жизни. О, если бы прекратились либо жизнь моя, либо воспоминания о могиле сыновей! (Ер. 16.1–10).

Очевидно, что такого рода письма Синесий мог написать только очень близкому другу. Между тем во всех письмах личного характера к Гипатии он жалуется на отсутствие писем от нее (и, вероятно, в последние годы жизни после принятия епископства он так и не получил от нее ни одного письма). Почему же Гипатия ему не отвечала? В 10-м письме Синесий пишет:

Прежде я упрекнул бы тебя за то, что не устаиваюсь писем, а теперь вижу, что вы все мной пренебрегаете, и не потому, что я делаю что-то несправедливое, а потому что претерпеваю такое множество несчастий, какое только человек способен претерпеть (*ἀτυχῶ δὲ πολλὰ καὶ ὅσα ἄνθρωπος ἀτυχῆσαι δύναται*) (Ер. 10.4–6).

Как понимать это «πολλὰ», которым Синесий описывает свои несчастья? Не есть ли это указание на качество, а не на количество? В 41-м письме Синесий, вспоминая о тех горестных раздумьях, которые его одолевали, когда он стоял перед выбором, принимать епископский сан или нет, пишет:

Бог не обойдет заботой освященного философа, говорят [старцы]. Но я, поскольку нелегко поддаюсь бахвальству и не имею о себе блестящего мнения, признал это несчастьем (*τὴν ἀτυχίαν ἡττίαςάμην*) (Ер. 41.145–149).

Ключевым здесь является слово «несчастье», под которым подразумевается избрание Синесия в епископы. Не об этом ли говорит Синесий и в письме к Гипатии? Не считает ли он избрание себя в христианские епископы причиной того, что Гипатия и александрийские товарищи перестали вести с ним переписку? Темная на первый взгляд фраза из 10-го письма становится более ясной и осмысленной, если мы предположим, что она означала: вы перестали мне писать не потому, что забыли меня, а потому что избрание меня в епископы вам не позволяет этого делать. Очевидно, Гипатия и ее ученики принадлежали к оппозиционной по отношению к христианской церкви партии¹⁶ и не хотели, по всей видимости, компрометировать личной перепиской такого видного церковного деятеля, каковым стал Синесий к 412 г. Возможно, что и переписка с Геркулианом прекратилась по причине сближения Синесия с христианскими кругами в Константинополе.

¹⁶ Подробнее о Гипатии и ее отношениях с христианской церковью в связи с Синесием см.: *Lacombrade C. Hypatie, Synesius de Cyrène et la Patriarcat Alexandrine // Byzantion. 2001. Vol. 71/2. P. 404–427.*

Константинополь

Пребывание в Константинополе особым образом отразилось на мировоззрении и социальных контактах Синесия. В I гимне мы узнаём о том, что он активно посещал в столице православные церкви:

Храмы все посетил я, Владыка (ἄναξ), где таинства, Тебе посвященные, и где я простирался ниц, окроплял слезами глаз своих землю в страхе за то, как бы мое путешествие не оказалось напрасным (I.440–450)¹⁷.

Из этого некоторые исследователи делают вывод, что Синесий уже в период пребывания в Константинополе принимает христианство¹⁸. По остальным гимнам, письмам и произведениям, однако, это не заметно вплоть до 412 г., когда Синесий становится епископом.

В Константинополе ему пришлось долго ждать и учиться заручаться поддержкой власть имущих. Там он познакомился с некоторыми выдающимися политическими и культурными деятелями, которые стали не только его друзьями, но и могущественными покровителями. К ним он адресовал свои письма с просьбами о помощи своим собственным протеже. Самым влиятельным другом Синесия являлся, конечно, Аврелиан¹⁹, бывший префектом претория в то время, когда Синесий приехал в Константинополь. Однако вскоре происходит изгнание Аврелиана, и к власти приходит гот Гайна. Всё это время Синесий, видимо, проводит в столице лишенным своего покровителя. К счастью для него, впрочем, вскоре в городе происходит бунт, готов изгоняют, а Аврелиан возвращается (все эти события иносказательно описаны Синесием в трактате «De Providentia»). К Аврелиану сохранилось три письма, и все они относятся к 399 г., т. е. к первому году пребывания Синесия в Константинополе. В первом письме (№ 31) Синесий изъявляет свою поддержку и преданность Аврелиану в смутное для него время, а в двух других (№№ 35 и 47) пользуется своей близостью к префекту, чтобы рекомендовать своих друзей, оказавшихся по той или иной причине в Константинополе. И Синесий, вероятно, имел полное право писать подобные письма, поскольку его знаменитая «Речь о царстве» была составлена в ключе, удобном для партии Аврелиана, а значит, оказывала ему определенную услугу²⁰. Впрочем, не все исследователи согласны с тем, что Синесий был выразителем идей партии Аврелиана. Так, например, Г.Л. Курбатов считает, что на речи лежит явная печать влияния провинциальных интересов, а отношения автора с константинопольской знатью были весьма натянуты²¹. С его точки зрения, в дальнейшем многие константинопольские друзья «не очень охотно откликались на его просьбы», и что «его константинопольские связи не всегда „срабатывали“»²². Используя анализ социальных связей, мы можем обнаружить, что из 13 зафиксированных случаев обращения за помощью к константинопольским друзьям (письма 35, 40, 47,

¹⁷ Цит. по изд.: *Synésios de Cyrène. Hymnes* / Ed. Ch. Lacombrade. P., 1978. P. 55.

¹⁸ *Cameron A., Long J. Barbarians and Politics...* P. 29–32.

¹⁹ О нем см.: *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. Cambridge, 1971. P. 128–129.*

²⁰ *Левченко М.В. Синезий Киренский. О царстве (Предисловие)* // ВВ. 1953. Т. 6. С. 331–332.

²¹ *Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 147.*

²² Там же. С. 147.

49, 73, 75, 79, 91, 102, 118, 130, 131, 150) только в двух случаях (согласно письмам 48 и 73) мы однозначно можем говорить о том, что «связи не сработали», и в обоих речь идет о жалобах на Андроника, который сам тоже имел сильных покровителей в столице. Исходя из этих данных, можно сказать, что константинопольские связи Синесия были достаточно прочными и «срабатывали» в 85% случаев. Поэтому вполне можно согласиться с М.В. Левченко в том, что Синесий был глашатаем идей партии Аврелиана, чтобы заручиться ее поддержкой в дальнейшем, наладив таким образом социальные связи в Константинополе.

Аврелиан, по всей видимости, входил в знаменитый Панэллиниум, кружок константинопольских интеллектуалов, сконцентрированный вокруг риторы Троила, о котором известно гораздо меньше, чем об Аврелиане. В 101-м письме к своему другому ближайшему константинопольскому другу, Пилемону, Синесий так описывает кружок Троила:

Отовсюду туда прибывают люди послушать божественный голос старца (τοῦ τρεσβύτου), разбирающего древние и новые творения (Ер. 101.75–77).

Нам представляется, что этим «старцем» как раз и был Троил. Нашу гипотезу подтверждает следующее обстоятельство: в письме к Троилу (№ 123, 405 г.) Синесий называет его «отцом». Если принять, что Синесий родился в 370 г., то на момент написания письма ему было 35 лет, и в отцы ему мог годиться человек 50–60 лет, вполне подходящий под наименование «старец», тем более что старцами считали в те времена людей и более молодых — сам Синесий называет себя стариком в 412 г., будучи 42 лет (в письме к Авксентию, № 117). Троилу адресовано шесть писем. Для Синесия Троил был важен не только как друг и интеллектуал, но и как советник знаменитого Анфимия. Письма к Троилу были написаны с 405 по 411 г. и, помимо обычных похвальных дружеских писем, включают два ходатайственных письма за ближайших родственников: Мартирия (№ 91) и Диогена (№ 118). В последнем случае Синесий прямо просит Троила замолвить за Диогена слово перед Анфимием. Здесь перед нами типичный случай протектирования высшими более низших благодаря социальным связям. В кружок Троила входили также Никандр²³, Прокл, полководец Симпликий и позднее, как представляется, не без рекомендаций Синесия, лучший друг последнего в Константинополе (как он сам об этом выразился в 129-м письме) Пилемен. С Пилеменом Синесий сошелся, вероятно, во время своего трехлетнего пребывания в Константинополе. Как и Синесий, Пилемен не был коренным константинопольцем, а попал в столицу, по всей видимости, из провинции. Вместе с тем Пилемен был аристократом и не лишен вкуса к философским занятиям, что весьма сблизило его с Синесием. Действительно, письма к Пилемону чрезвычайно живые, они наполнены дружеским чувством, искренни. В 134-м письме (406 г.) Синесий рекомендует Пилемону сойтись с Проклом, Трифоном и Симпликием, которые, по-видимому, друг с другом были уже знакомы по кружку Троила. Здесь мы видим то, что можно было бы назвать *управляемой транзитивностью*. Синесий намеренно знакомит своих друзей между собой, делая так, что каждый его адресат становится связан социальными обязательствами с другим адресатом. Таким образом, социальная плотность данного сообщества значительно возрастает, перед нами возникает соци-

²³ Никандр — некий знатный интеллектуал при дворе, к которому обращены письма №№ 1 и 75, причем последнее — ходатайственное за мужа сестры.

альная ячейка в Константинополе, которая объединена уже не только вокруг Троила, но и вокруг Синесия, жителя Кирены. Прокл, Трифон и Симпликий известны нам по другим письмам Синесия. К Проклу сохранилось одно письмо (№ 70), отправленное в 413 г., и трудно сказать, тот ли это Прокл, о котором пишет Синесий в письме № 134. Трифон был префектом претория в Пентаполе, и единственное обращенное к нему письмо Синесия (№ 119), датированное 406 г., было написано, когда адресат уже покинул данный высокий пост и вернулся в Константинополь. В этом письме Синесий хвалит управленческие способности Трифона и рекомендует ему своего двоюродного брата Диогена (за которого он в том же году ходатайствовал перед Троилом (№ 118), Пилеменом (№ 131), Симпликием и Проклом (письма не дошли, но упомянуты в письме 134 к Пилемону)).

Симпликий был *magister militum*, т. е. весьма влиятельным человеком в империи. К нему обращены три письма: два в 405 г. (№№ 24 и 130) и одно в 412 г. (№ 28). В одном из писем за 405 г. (№ 130) Синесий жалуется на некоего Киреакия, который несправедливыми поборами развязал в Пентаполе гражданскую войну.

Вообще, Синесий активно пишет рекомендательные письма своим могущественным константинопольским друзьям. Так, он рекомендует Пилемону, Троилу, Трифону, Симпликию и Проклу в письмах за 405–406 гг., по крайней мере, пятерых своих родственников и друзей из Кирены и Пентаполя в целом: Анастасия (в 100-м письме Пилемону как друга), Феотима (знаменитого поэта), Исихия (соученика по Александрии), Диогена (своего двоюродного брата) и Сосена (в 40-м письме Анастасию, достигшему уже определенного статуса в Константинополе, и в 102-м письме Пилемону).

Подобную схему патронажа Синесий потом будет применять и на своей родине. Так, в 407 г. он будет ходатайствовать за Аммония, прибывшего из Константинополя с важной миссией раздать золото солдатам, защищавшим Пентаполь от варваров. До нас дошло четыре ходатайственных письма за этого Аммония (№ 18, брату Евоптию; № 19, Героду и Мартирию; № 20, Диогену и № 21, некому игемону, возможно, правителю Пентаполя, каковым в 407 г. мог быть Гелиодор или кто-то иной из полководцев). Более того, эту же схему, как мы увидим далее, Синесий применяет и в церковном сообществе. Таким образом, Константинополь был фактически школой патронажа для нашего героя.

Кирена и Пентаполь

В 402 г. Синесий возвращается в родные края. К этому времени у него складывается уже достаточно широкий круг знакомств как в Александрии, так и в Константинополе. Из Кирены, по всей видимости, происходили многочисленные родственники Синесия. Из-за недостатка информации мы плохо представляем себе его родословную, но приблизительно знаем о его семье. У Синесия был младший брат по имени Евоптий, к которому обращено 41 письмо из 156, и две или три сестры, одну из которых (Стратонику) мы знаем по имени, поскольку ее упоминает Синесий в одном из своих стихотворений, которое он цитирует в письме 75 к Никандру в качестве предисловия к ходатайству за ее мужа Феодосия перед самим Анфимием):

Образ златой то ли Киприды, то ли Стратоники (Ер. 75.3).

Нам также известно, что у Синесия был племянник по имени Диоскор (сын Евоптия) (Ер. 5.304), который воспитывался в его доме в Кирене (Ер. 55.5, 111), и племянница (вероятно, дочь одной из упомянутых сестер) (Ер. 145.5). У самого Синесия было три сына, которые умерли в раннем возрасте, в том числе два близнеца (Ер. 55.10). Ни их имена (кроме имени старшего Исихия — Ер. 55.10), ни имя жены Синесия до нас не дошли. Известно также, что у Синесия был двоюродный брат Диоген (за которого, как мы уже упоминали, он многократно ходатайствовал перед своими константинопольскими друзьями) и дядя Александр, отец Диогена (Ер. 150.4). Кроме того, в какой-то степени родства к Синесию находился Герод, один из адресатов письма 19.

В Пентаполе вокруг Синесия формируются три круга, отличающиеся друг от друга степенью близости корреспондентов к автору: круг родственников, круг друзей и земляков и круг правителей и полководцев.

Круг родственников представляет собой обычно наиболее плотную сеть, отличающуюся повышенным уровнем транзитивности, поскольку, как правило, в древних культурах родственники стремились поддерживать постоянное общение. В письме к брату Синесий не только обращается с рекомендациями и похвалами в стиле дружественных писем, в полном соответствии с учебниками по эпистолярному этикету того времени²⁴, но и с искренними жалобами или упреками, делится чувствами и переживаниями. Самые едкие и остроумные письма (№№ 5 и 136) написаны брату. Брат также был посредником между Синесием и патриархом Феофилом в сложном вопросе избрания Синесия епископом Птолемаиды (см. 105-е письмо).

Второй после родственников круг составляли друзья и земляки Синесия, о которых нам не так много известно. По именам мы знаем только друга детства Авксентия (письма 60 и 117) и, возможно, Урания и Исихия (последний учился с Синесием в Александрии, а потом сделал карьеру в Константинополе, возможно, не без помощи Синесия).

Наконец, третий круг представлен в письмах Синесия светскими правителями Пентаполя и полководцами, к которым обращено несколько писем, в основном рекомендательного характера. Правителями Пентаполя с 404 по 413 г. были Гелиодор, Анисий, Кледоний и Констанций. Кроме того, сохранилось одно письмо к полководцу Уранию, одно к игемону, не названному по имени, и к враждебному Синесию политику Иоанну.

Таким образом, в Пентаполе у Синесия был весьма обширный круг знакомств. Он поддерживал связь не только с родственниками и друзьями, но и с местными политическими и военными деятелями. Последнее было особенно актуально для Синесия в связи с обострившимся противостоянием с варварами. Синесий активно участвовал в обороне Пентаполя от внешних врагов и даже возглавлял защиту Кирены. То, что Синесий мужественно и эффективно оборонял в течение пяти лет земли Пентаполя, обернулось тем, что народ Птолемаиды избрал его своим епископом.

²⁴ *Pseudo-Demetrius. Τόποι Ἐπιστολικοί* // Ancient Epistolary theorists / Greek text ed. and transl. into English by A.J. Malherbe. Atlanta, 1988. P. 30–41.

Патриарх Феофил

В качестве епископа Синесий по необходимости должен был вести переписку с духовными лицами. Большинство из них относятся к Ливийской церкви, но центром этого круга общения, несомненно, следует назвать патриарха Феофила. Знакомство с ним относится, по всей видимости, ко времени пребывания Синесия в Константинополе. Мы знаем, что спустя несколько лет, в 404 г., именно Феофил избрал Синесию женой и благословил его брак. Нам также известно, что ряд адресатов перестает отвечать Синесию на его письма (особенно после принятия им епископского сана), что, возможно, было вызвано в том числе сменой круга общения. Надо учитывать, что позднеантичное общество было достаточно партиитивным, и личность существовала только как «всцело общественная»²⁵, поэтому вопрос социального самоопределения стоял достаточно жестко. Если человек выбирал новое сообщество, из старого он легко мог выпасть, особенно если это старое находилось в идеологических противоречиях с новым. Поэтому неудивительно, что, завязав знакомство с Феофилом и войдя в круг его общения, Синесий стал терять прежние связи. Сам он, судя по всему, желал оставаться одновременно в двух разноплановых сообществах, соединяя их (что, конечно, было утопией), и в конце концов не смог соединиться ни с одним из них. В этом была его личная трагедия.

Для нас интерес представляет тот факт, что в рамках нового, церковного сообщества Синесий следовал тем же паттернам поведения, что и раньше. Он так же пытался оставаться лидером и так же пытался играть роль патрона. Так, например, большая часть его писем к патриарху Феофилу — рекомендательные. В 76-м письме Синесий ходатайствует за некоего Антония, в 80-м — за своего родственника Никия, в 67-м — за некоего Александра, бывшего одно время при дворе в Константинополе близким другом Иоанна Златоуста, в 68-м — за того, кто доставил письмо. Более того, в одном из писем (№ 90) Синесий ходатайствует за своего поверженного политического врага — Андроника. По своему стилю все эти письма официальные, в них соблюдены все формальные требования к рекомендательным письмам. Таким образом, Синесий использовал свою церковную власть так же, как и светскую, для того, чтобы оставаться в системе патронажа, типичной больше, как кажется, для его куриального мира, нежели чем для церковного. Впрочем, основываясь на указанных письмах Синесия, мы можем предположить, что практика патронажа применялась и в церковной среде.

Характерно, что в рамках церковной карьеры у Синесия исчезает с горизонта событий момент дружбы. Поскольку этот момент был тесно связан со старой александрийской группировкой, Синесий судорожно пытается апеллировать к ней, но практически безрезультатно (здесь показательны слова из уже цитированного письма к Гипатии: «все меня оставили»). На передний план выходит момент лидерства и патронажа. При этом, как мы видим, эти моменты Синесий понимает точно так же, как он понимал их будучи светским деятелем. Став епископом, Синесий не перестал применять социальную стратегию, характерную для куриального сообщества, к своей церковной деятельности, но при этом в новом сообществе он не нашел места для дружбы. Полностью, однако, он по-

²⁵ Кнабе Г.С. Античное письмо // *Он же. Древо познания — древо жизни*. М., 2006. С. 514.

рвать с дружбой не мог, и поэтому остался в той или иной мере связан с враждебным к своему клерикальному окружению сообществом Александрии, что и стало основой для внутреннего конфликта, который, вероятно, и привел его к болезни и смерти. Этот же конфликт явился отражением внешнего социально-религиозного противостояния того времени.

Таким образом, степень политического и общественного влияния провинциальных куриалов (как это видно на примере Синесия) в Восточной Римской империи в IV–V вв. была достаточно высокой и затрагивала не только светскую часть общества, но и церковную. Между тем эта степень зависела от социокультурной и религиозной самоидентификации куриала. Если говорить о самом Синесии, то его письма, содержащие высказывания, связанные с лидерством и патронажем, носят перформативный характер, т. е. формируют его социокультурную самоидентификацию²⁶. Перформативность Синесия (т. е. то, кем он себя считал — куриалом, аристократом и философом) в епископский период его жизни перестала соответствовать контексту его социальных связей. Иначе говоря, Синесий по стратегии своего социального поведения не соответствовал своему новому сообществу, поскольку все паттерны принадлежали старому. Выражаясь несколько художественно, мы можем сказать, что таким образом старая заплатка не подходила к новому хитону, а говоря с позиции историософии, — что таким образом Античность вынуждена была уступить Средневековью, ибо античный образ мысли уже не подходил к новым, средневековым задачам.

Мирошниченко Евгений Игоревич

Аспирант Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, д. 5
199034 Санкт-Петербург
Электронная почта: miroshnichenkoeu@gmail.com

²⁶ См. подробнее о теории перформативности: *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., L., 1990. P. 33.

Eugene MIROSHNICHENKO

SYNESIUS OF CYRENE AND HIS SOCIAL RELATIONS

Abstract: The article deals with the social relations of Synesius of Cyrene. Using his letters as a historical source and the analysis of social network as the method the author classifies the addressees and reveals the degree of their social proximity to Synesius. Having used the social anthropology method the author finds out how the social relations of Synesius functioned within the framework of such social strategies as patronage, leadership and friendship. The author concludes that Synesius used in the church environment the same social patterns as in the secular one. In addition, as a result of the study we can say that the degree of social influence of such representatives of the provincial curial world as Synesius was quite high.

Keywords: Synesius of Cyrene, Early Byzantine epistolography, social relations, curiales, Christianity.

Literature Cited

- BUTLER, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, London 1990.
- CAMERON, A., LONG, J. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley 1993.
- DE NOOY, W. “Fields and networks: Correspondence analysis and social network analysis in the framework of Field Theory.” *Poetics*. 31/5–6 (2003). P. 305–327.
- FRITZ, W. *Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene. Ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV. und V. Jahrhundert*. Leipzig 1898.
- GILLET, A. “Communication in Late Antiquity: Use and Reuse.” In *Oxford Handbook of Late Antiquity*, ed. by S.F. Johnson. Oxford 2012. P. 815–846.
- HARICH-SCHWARZBAUER, H. “Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene.” In *Synesios von Kyrene. Politik — Literatur — Philosophie*, hrsg. von H. Seng und L.M. Hoffmann. Turnhout 2013. S. 96–109.
- HERMELIN, I. *Zu den Briefen des Bischofs Synesios*. Diss. Uppsala 1934.
- HOSE, M. “Synesios und seine Briefe. Versuch einer Analyse eines literarischen Entwurfs.” *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 27 (2003). S. 125–141.
- JONES, A.H.M., MARTINDALE, J.R., MORRIS, J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge 1971.
- KARLSSON, G. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala 1959.
- KNABE, G.S. “Antichnoe pis'mo.” In KNABE, G.S. *Drevo poznaniya — drevo zhizni*. Moscow 2006. P. 502–525.
- KURBATOV, G.L. *Rannevizantiyskiye portrety: K istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli*. Leningrad 1991.
- LACOMBRADÉ, C. “Hypatie, Synesius de Cyrene et la Patriarcat Alexandrine.” *Byzantion*. 71/2 (2001). P. 404–427.

- LEVCHENKO, M.V. "Sineziy Kirenskiy. O tsarstve. Predislovie." *Vizantiyskiy Vremennik*. 6 (1953). P. 327–337.
- LEVCHENKO, M.V. "Pentapol' po pis'mam Sineziya." *Vizantiyskiy Vremennik*. 9 (1956). P. 3–44.
- LUCHNER, K. "Freundschaft und Freundschaftsbrief bei Synesios." In *Synesios von Kyrene: Polis, Freundschaft, Jenseitsstrafen*. Tübingen 2010. S. 89–118.
- MIROSHNICHENKO, E.I. "Formy obshchenia v Pis'mah Sinesiya Kirenskogo." In *XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov-filologov SPbGU: Tezisy dokladov*. St. Petersburg 2015. P. 200–201.
- ROQUES, D. *Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire*. Paris 1987.
- ROQUES, D. *Études sur la Correspondance de Synésios de Cyrène*. Bruxelles 1989.
- ROQUES, D. "Introduction." In *Synésios de Cyrène. Correspondance*. T. II: Lettres I–LXIII. Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques. Paris 2000. P. I–CXXIV.
- ROOS, B.A. *Synesius of Cyrene. A Study in His Personality*. Lund 1991.
- RUNIA, D.T. *Studies in the Letters of Synesius*. Thesis submitted for the Degree of Master of Arts at the University of Melbourne. Melbourne 1976.
- SEECK, O. "Studien zu Synesius." *Philologus*. 52 (1894). P. 446–487.
- SHORE, A.M. *Theodoret's people: social networks and religious conflict in late Roman Syria*. Berkeley 2011.
- SIMEON, P.X. *Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene*. Paderborn 1933.

Eugene MIROSHNICHENKO

Postgraduate Student

Institute of History

Saint Petersburg State University

Mendeleevskaya Liniya 5

199034 St. Petersburg

e-mail: miroshnichenko@gmail.com